

УДК 82.091

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ РЕПУТАЦИЙ
В БУРЯТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В 1950–1970-Е Г. Г.****SPECIAL ASPECTS OF BUILDING OF LITERARY REPUTATION
IN THE BURYAT LITERATURE IN 1950–1970-IES**

©Хандарова О. В.

канд. филол. наук

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
г. Улан–Удэ, Россия, finolinka@gmail.com*

©Khandarova O.

*Ph.D., Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
Ulan–Ude, Russia, finolinka@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется литературная критика и литературоведческие работы в литературном процессе Бурятии 1950–1970-х г. г. и выявляются некоторые социоисторические особенности процесса формирования литературных репутаций указанного периода в молодой советской национальной литературе вообще и в бурятской литературе в частности.

Abstract. The article analyses the literary criticism and literary articles in the literary process of Buryatia in 1950–1970-ies and reveal some sociohistorical characteristics of building of literary reputation in this period in the young soviet national literature generally and in Buryat literature specifically.

Ключевые слова: бурятская литература, литературная критика, литературные репутации.

Keywords: Buryat literature, literary criticism, literary reputation.

В становлении литературной репутации писателя — представителя молодой национальной советской литературы — большую роль играет государственная политика в отношении литературных процессов национальных республик, предполагающая организованное развитие литературы и стимулирование литературной жизни во всех регионах. Решающим оказывается идеологический фактор, традиционно значимый для всей русской литературы.

Между писателем и общественностью республики заключается своеобразный взаимовыгодный литературный «контракт»: молодая литература воспитывает и выдвигает в первые ряды подающих надежды литераторов и, в случае успеха, получает собственных лидеров, профессиональных писателей, в идеале — получивших признание «в центре». Писатели, в свою очередь, взамен приложенных для соответствия образу «правильного» советского писателя усилий получают широкие возможности для публикаций, искренний интерес к своему творчеству и народную любовь. Статус «певца родной земли» может скрадывать идеологическую ангажированность и придавать локальную индивидуальность облику «советского писателя» [1, с. 11–12].

Как уже отмечено в литературоведении, образ автора в общественном сознании формируется либо при активном содействии самого автора, позиционирующего себя в выгодном ему свете, либо (при анонимности произведения или недостатке информации о личности автора) через «дистраивание» его образа на основании текстов произведений [2, с. 9]. Для литературной репутации советского писателя такое дистраивание неизбежно, поскольку образ, предстающий перед общественностью, по понятным идеологическим причинам является излишне стерильным и потому требует индивидуализации. В случае же, когда создается литературная репутация представителя национальной литературы, вступает в игру и желание не упустить возможности отметить наличие хоть сколько-нибудь значимых достижений, возможно, предвосхитить появление собственного крупного писателя. Литературная репутация в таком случае во многом создается «авансом».

Из обзора публикаций литературно–критического характера советского периода становится ясной одна характерная особенность построения литературной репутации бурятского писателя. В целом, при формировании представлений о месте и роли писателя, помимо объяснимой идеологизированности литературоведческого анализа, в критике больше внимания уделяется тому, чтобы предельно четко определить литературный статус участника, и меньше — характеристике творчества и анализу собственно художественных достижений, который зачастую дается в достаточно общих выражениях. Эта картина, с одной стороны, отражает особенности литературного процесса советского времени (по большому счету, критика часто не идет дальше установления соответствия или несоответствия образу «советского писателя»). Однако кроме того, подобный подход литературного сообщества к формированию писательских репутаций, может также свидетельствовать о черте, которая присуща молодым национальным советским литературам вообще и которую можно охарактеризовать как стремление зафиксировать в первую очередь «количественные», а затем уже «качественные» успехи литературы. Именно свойством *молодости литературы* и желанием показать ее быстрый «рост» объясняется педантичное перечисление всего «первого» в каждой вновь выходящей «Истории литературы» (первое произведение в печати, первый сборник стихов, первая пьеса, первый роман, первый роман о современности, первый перевод без подстрочника и т. п.) и даже количественный подсчет достижений (число романов, число киносценариев, число писателей и т. п.)

Вторая особенность процесса формирования литературных репутаций в бурятской литературе обусловлена немногочисленностью ее участников, «*малонаселенностью*» и связанную с этим черту, которую можно обозначить как «интимность», «камерность» или «замкнутость» литературы. Ее можно проиллюстрировать фразой из предисловия к справочному изданию, вышедшему в 2012 г. и содержащему сведения о культурных деятелях республики: «Грустно, что некоторые читатели, не найдя сведений о своих близких, испытают разочарование» [3, с. 6]. Тот факт, что у создателей справочника нет сомнений в том, найдутся ли читатели, которые останутся разочарованными его содержанием, свидетельствует об особенностях менталитета, согласно которым границы «моего», «своего» и «нашего» в национальной культуре небольшой республики понимаются весьма своеобразно, в результате чего в процессах формирования литературных репутаций очень большую роль играют межличностные отношения. Кроме того, камерный характер литературного процесса обуславливает практически полное отсутствие письменных свидетельств о литературном быте республики.

В поэме Н. Дамдинова «Имя отца» (1962) речь идет о трех поколениях, представляющих три этапа в развитии советского общества: к первому относится отец лирического героя, чья молодость и активная деятельность приходится на эпоху коллективизации; ко второму — старший брат — герой Великой Отечественной войны; и к

третьему — сам лирический герой — представитель молодого поколения, на глазах которого совершались подвиги отцов и братьев.

Поколение, пришедшее в литературу в 1950-е г. г. (третье поколение), в целом характеризуется оптимистическим настроением: его облик формируется на фоне «небывалого научно-технического прогресса» и «небывалого подъема духовной активности» [4, с. 166], события, подобные полетам в космос, убеждают в возможности скорого создания коммунистического общества [5]. Оптимистический настрой сказывается и на литературной ситуации: в республике в эти годы — обстановка творческого подъема, атмосфера энтузиазма, освобождение от культа личности, возвращение ленинских норм. На этом фоне происходит консолидация всех литературных сил: поколение старших писателей и поэтов активно интересуется делами начинающих литераторов (так, Н. Дамдинов неоднократно с благодарностью вспоминал о поддержке Х. Н. Намсараева) [6, с. 134–139].

Атмосфера всеобщего энтузиазма сказывается на художественных произведениях, в которых, по замечанию В. Найдакова, отразились «помыслы и чаяния, стремления и заботы людей пятидесятых — семидесятых годов, живущих в атмосфере постоянного и глубокого поиска, в состоянии постоянной активности, принимающих живейшее участие в решении проблем, от которых зависят мир и счастье на земле» [7]. Эти чаяния и находят свое выражение в творчестве писателей, чей начальный этап литературного пути приходится на 1950-е гг. Тематически они проявляются в воспевании нового советского человека, интернационального чувства, дружбы народов и мира на всей земле, стилистически — в подкупающей прямолинейности в суждениях, отдающей, однако, и наставительной интонацией.

Внешне литературная жизнь характеризуется большим количеством съездов, выездных заседаний, проведением «дней литературы» и конференций. При этом если в «большой» и «многонаселенной» русской литературе есть и другие направления, помимо магистрального (шестидесятники и самиздат), то в «малонаселенной» молодой бурятской литературе бесхитро и достаточно продолжительно выдерживается только основное, «праздничное» настроение.

И все же общая тенденция изменения в мировоззрении людей советской эпохи движется от идеи государственности к идее человека, что, безусловно, находит отражение в искусстве и сравнимо с переходом от стиля монументального историзма к экспрессивно-эмоциональному стилю в древнерусском искусстве.

Постепенно накапливается осознание молодыми литературами определенных противоречий, и 70-е г. г. XX века, как неоднократно отмечено, характеризуются значительными мировоззренческими сдвигами в национальном самосознании: пробуждением интереса к внеидеологической национальной истории [8, с. 82], поисками героя, воплощающего в себе черты человека нового морального облика [9, с. 7], появлением исповедального начала [10, с. 46–49]. В конце 1960-х — 1970-е г. г. молодые литераторы уже задаются вопросами, которые не тревожили их предшественников: «...в процессе становления и развития молодых литератур Сибири определяется одна общая закономерность — все более глубокое проникновение писателей в духовную, личностную сущность человека, стремление глубже познать и отразить возникающие перед ним проблемы во всей их сложности и многообразии» [11, с. 87]. Лирический герой и автор-повествователь 1970-х г. г. существенно изменяется, в отличие от предыдущего периода, для которого так или иначе характерно самовыражение в тексте «в форме прямой или косвенной самоапологии» [12, с. 121].

Твердая вера в коммунизм и дело отцов на фоне постепенного возрастания личностного начала (по словам Т. Очировой, наиболее последовательно отразившегося в творчестве Н. Дамдинова [13, с. 49]) создает почти парадоксальное сочетание, которое придает особенный характер творчеству поколения писателей и поэтов 1950–1970-х г. г. и весьма ощутимо сказывается на формировании их репутаций. Весьма интересно проследить, как создавалась литературная репутация писателей, вступивших в литературу в эпоху всеобщего воспевания государственности, но чье зрелое творчество приходится на период «поворота к человеку».

Таким образом, литературная жизнь национальной республики 1950–1970-х г. г. представляет особый интерес в плане изучения репутаций советских писателей, поскольку именно в этот период можно наблюдать такие процессы в общественном сознании, которые создают особые условия для становления и разрушения литературных репутаций.

Список литературы:

1. Антипина З. С. Литературная репутация и творчество В. В. Каменского в историко-культурном контексте 1920–1930-х г. г.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2012. 20 с.
2. Гараев, А. И. М. П. Арцыбашев: история формирования литературной репутации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 18 с.
3. Свет памяти / авт. проекта Б. Ж. Тумунов ; гл. ред. М. Н. Балдано. Улан-Удэ, 2012. Т. 1.
4. Найдаков В. Ц. Николай Дамдинов // Найдаков, В. Ц. Современные писатели Бурятии. Улан-Удэ, 1969. С. 163–181.
5. Найдаков В. Ц. Правая рука // Молодежь Бурятии. 1963. 19 июля. С. 3, 4.
6. Дамдинов Н. Г. Родник в моем краю // Дамдинов, Н. Г. Избранные произведения. Улан-Удэ, 2012. Т. 3.
7. Найдаков В. Ц. Поэт Николай Дамдинов // Правда Бурятии. 1974. 21 нояб. С. 3.
8. Алиева С. У. Национальная идея и эстетика социалистического реализма // Нация. Личность. Литература. Вып. 1. М., 1996. С. 67–81.
9. Найдаков В. Ц. Путь к роману. Новосибирск, 1985. 259 с.
10. Очирова Т. Н. Постоянство, или цена устойчивости и бунта // Земли моей молодые голоса. Улан-Удэ, 1980. С. 44–64.
11. Гармаева С. И. О типологии романа в литературах народов Сибири // Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1983. С. 77–90.
12. Имixelова С. С. Своеобразие субъективных повествовательных форм в бурятской прозе 1970-х г. г. // Вестник БГУ. Сер. 6. Филология. 1997. Вып. 1. С. 118–128.
13. Очирова, Т. Н. Николай Дамдинов. М., 1980. 112 с.

References:

1. Antipina Z. S. Literaturnaya reputaciya i tvorchestvo V. V. Kamenskogo v istoriko-kulturnom kontekste 1920–1930-h gg.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Perm, 2012. 20 p.
2. Garaev A. I. M. P. Arcybashev: istoriya formirovaniya literaturnoj reputacii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan, 2008. 18 p.
3. Svet pamyati / avt. proekta B. ZH. Tumunov ; gl. red. M. N. Baldano. Ulan-Ude, 2012. T. 1.
4. Najdakov V. C. Nikolaj Damdinov // Najdakov, V. C. Sovremennye pisateli Buryatii. Ulan-Ude, 1969. Pp. 163–181.
5. Najdakov V. C. Pravaya ruka // Molodezh Buryatii. 1963. 19 iyulya. Pp. 3, 4.

6. Damdinov N. G. Rodnik v moem kraju // Damdinov, N. G. Izbrannye proizvedeniya. Ulan–Ude, 2012. T. 3.
7. Najdakov V. C. Poet Nikolaj Damdinov // Pravda Buryatii. 1974. 21 noyab. P. 3.
8. Alieva S. U. Nacionalnaya ideya i ehstetika socialisticheskogo realizma // Naciya. Lichnost. Literatura. Vol. 1. M., 1996. Pp. 67–81.
9. Najdakov V. C. Put k romanu. Novosibirsk, 1985. 259 p.
10. Ochirova T. N. Postoyanstvo, ili cena ustojchivosti i bunta // Zemli moej molodye golosa. Ulan–Ude, 1980. Pp. 44–64.
11. Garmaeva S. I. O tipologii romana v literaturah narodov Sibiri // Vzaimodejstvie literatur narodov Sibiri i Dalnego Vostoka. Novosibirsk, 1983. Pp. 77–90.
12. Imihelova S. S. Svoeobrazie subjektivnyh povestvovatelnyh form v buryatskoj proze 1970-h gg. // Vestnik BГУ. Ser. 6. Filologiya. 1997. Vol. 1. Pp. 118–128.
13. Ochirova T. N. Nikolaj Damdinov. M., 1980. 112 p.

*Работа поступила
в редакцию 18.09.2016 г.*

*Принята к публикации
22.09.2016 г.*